

Воспоминания

Собранные вместе воспоминания очевидцев разного возраста и социального положения тревожат душу и сердце коротким словом – война.

Его величество детский сад

«Когда началась война, мне шёл четвёртый год, – вспоминает Виталий Титов, педагог-музыкант, члена Союза театральных деятелей России. – От горшка два вершка, мы уже кое-что смекали: отцы уехали далеко воевать с фашистами. Эх! Что может быть интереснее, чем воевать, – скакать верхом на лошади с шашкою в руке, стрелять из пулемёта и орать во всё горло? Только мамы с бабушками не разделяли наших восторгов, вздыхали, платком промокая глаза. С появлением на улицах искалеченных дяденек и мы стали понимать: на свете происходит что-то страшное.

Всю войну, до победного сорок пятого, воспитывался я в кругло-суточном детском садике номер тридцать, что и ныне у подножия Карадырской горы. Наши матери и бабушки, наравне с «бронированными» мужиками, бились в горячих цехах комбината по двенадцать часов, выдавая сверхнормы. А мы, их дети и внуки, окружённые теплотой и заботой в нашем втором доме, открывали мир прекрасного и интересного. Окружающие были мудрыми, тонкими педагогами-психологами – от музыкального руководителя до малограмотной ночной няни бабы Паши. Тут я формировался как личность, отсюда берёт начало мой путь в искусство. Всем я обязан ему, детскому саду военной поры...

За «немецким» магазином в киосках покупали жареную на противнях кровь животных. Она напоминала холодец. Здесь же можно было отведать пирожков из ароматного ливера сорок копеек за штуку – или устроить пир дома, разогрев их до розоватой аппетитной корочки на сковородке.

А ярко-оранжевый золотистый «петушок» на палочке доставался нам с сестрой после похода мамы на «большой базар», что находился на одиннадцатом участке. Лакомство пахло ванилью и ещё чем-то вкусным: до сих пор ощущаю аромат.

Навсегда запомнил День Победы – на площади перед гортеатром. Сейчас уже не верится, как она могла вместить тысячи людей. «Кукурузник», летающий над ликующей толпой, разбрасывал праздничные листовки...

Пацаны постарше нас воевали с ровесниками Карадырки за право утвердиться на горе с однокимённым названием. Схватки были нешуточные, с применением самодельных пик и пугачей – «поджигов». После «боев местного значения» один из парней поинтересовался, за кого я болею. «За Шитовые», – отвечаю – и получаю в ухо. Чуть позже, на вопрос другого парнишки, разумеется, выбираю Карадырку и зарабатываю роскошный фингал. Не желая больше испытывать судьбу – третьему встреченному признаюсь: не тутошний я...»

Послевоенный арсенал

«На четырнадцатом участке я появился на свет божий, – вспоминает поэт Александр Павлов. – Не зорав, а трудолюбиво засопев, окунувшись в грозный послевоенный мир. Как-то раз отец, танкист Уральского добровольческого корпуса, закрыв бинтом левый, выбитый на фронте глаз, посадил меня, пятилетнего, на раму велосипеда и повёз рыбачить на Песчанку. Ехали мимо скрапной. За версту были видны колоннады цеха, над кранами которых громоздились горы металлического лома. Кстати, и велосипед-то был

Детство, опалённое войной

Говорят, время лечит, но только не людей, которых называют «дети войны»

собран здесь! Денег дома лишних не водилось.

Под колоннадами можно было найти и раму велосипедную, и колёсные обода, и рули. А покрышки и камеры уже начали появляться у утильщиков и артельщиков. И потому не завидовали тогдашние пацаны ребятишкам состоятельных родителей, чинно катающимся по дворам и улочкам на магазинных велосипедах.

Скрапная площадка превратилась для нас в настоящий арсенал, где мы добывали не только патрончики, но и искорёженные вальтеры и наганы, доставали даже боевые лимонки. Отловом нас, голодранцев, занимался какой-то хитроумный мужик, выстригавший ржавыми ножницами посередине башки волосы и мазавший это место солидолом: чтобы родители знали, что их отпрыск мотался на скрапную, и проследили – не заимел ли он в своём арсенале штыка-ножа, а то и пистолета. В подбитых танках тогда и многое другое можно было найти. Бывали случаи, когда в раскорёженной технике находили останки погибших. Самые ушлые доставали гранаты-лимонки, порой подрываясь на них.

Помню, кто-то притащил в класс разряженную лимонку. Подшутили над молодой учителькой – выкатили гранату прямо к доске. Я и сейчас вижу смертельную бледность на её лице. Уж такая «плоская шуточка» получилась. Но она ничего не сказала ни директору, ни завучам. И нам, придуркам, было во сто раз стыднее...»

Прохладное счастье

«Праздником для нас было мороженое, которым торговали перед кинотеатром, – вспоминает Алла Зилинская. – Ничего более изумительного я больше не пробовала. Волшебством казался процесс

расфасовки этого «прохладного счастья», а продавец, ловкостью фокусника завораживал и очаровывал. Тётушка в руках держала металлический стакан с подвижным донышком на ручке, на которое выдавливалась круглая вафелька, затем вся ёмкость стакана заполнялась белой массой, пахнущей ванилью, сверху накладывалась другая вафелька, и вся порция выталкивалась подвижным донышком стакана вверх, ловко подхваченная продавцом. И мы, держа пальцами за мороженое, начинали облизывать его, чтобы как можно дольше им полакомиться.

Нам, детям, разрешали ходить в кино раз в неделю, и для этого выделяли средства из семейного бюджета. Моя ближайшая подружка не получала таких денег. Её мама растила двоих детей, и денег не хватало даже на еду. Я старалась скопить вожаденные три рубля на лишний билет для подружки. Иногда помогала копилка, подаренная папой. Копилки делали в виде свинок, кошечек, грибочков, толстых и пузатых, для большей вместимости, из глины или папье-маше. Копилку вскрывали после её совершенного наполнения. А я выпиливала в донышке отверстие, чтобы добывать недельные накопления. Затем тщательно заклеивала дырки до следующей недели. Поэтому моим детским копилкам не суждено было наполниться...»

Наша «военная» жизнь

«Приходили в магазин рано утром, – рассказывает ветеран труда Галина Чуркина. – Ждали, когда привезут хлеб. А его доставляли иногда с двухчасовым опозданием. Все ждали... Женщины садились на пол, что-то вязали, а мы, ребятига, играли на улице. Как только подходила машина с хлебом, неслись в очередь.

Пока идёшь домой, нюхаешь хлеб: какие он издавал запахи! Хотелось отломить хоть крошку, но мы не смели: дома делили по кусочку...»

«Работали самостоятельно, без взрослых, несколько дней, – вспоминает ветеран труда Нина Левшунова, рассказывая, как их, школьников, отправили убирать прошлогодний проросший ячмень. – Вывозили нас в поле, оставляли муку, топор, котёл и коробок со спичками. Воду для еды брали из луж, процеживая через косынку, затирали немного муки, добавляли собранную кислятку или заячью капусту. На костре пекли ячмень, ели его, но потом маялись животами».

«На старом снимке из семейного архива (на фото) дети: послушно глядят в объектив: кто строго, кто спокойно, а кто озорно улыбаясь, – рассказывает Ольга Анцупова. – И только один пацан, крепко прижимая к себе кошку, враждебно хмурился: видимо, в оголодавшем Ленинграде его единственную память о счастливом прошлом уже не раз пытались отобрать. Они – везунчики, уцелевшие во время бомбёжки под руинами своих домов. Те, кто уже помечен печатью горя на лицах, и те, кто ещё не осознал до конца, что происходит. Они ещё не понимают, что эта фотография с пометкой «1942 год, июня 15 дня, детский дом № 22 Московского района города Ленинграда» должна по замыслу взрослых помочь разыскать их. Потом, когда Ленинград снова заживёт мирной жизнью, когда вернутся с фронта их отцы, – ведь других родственников у них уже не было.

Они ещё не знают, что эта фотография им не пригодится. Дети, стоящие на палубе катера с огромным красным крестом-оберегом, видимым с высоты бреющего полета фашистским бомбардировщикам,

станут мишенью для немецких асов. Сначала их будут расстреливать, заходя сразу с трёх сторон. А когда эта забава наскучит, один из самолётов сбросит на палубу истекающего кровью катера две бомбы.

Моей маме, Надежде Фёдоровне Масленниковой, повезло: она плыла не на этом катере, и уцелела, как и немногие другие дети из блокадного города. Их довезли до Сызрани, где поместили в детские дома. В 2009 году война всё-таки догнала маму, сдвинув осколок бомбы у сердца. После её похорон я нашла дневник, куда она незадолго до смерти записала всё, что запомнила, – фрагменты той проклятой войны глазами ребёнка...»

«Я с мамой пыталась уехать в грузовой машине из горящего Смоленска на станцию, чтобы эвакуироваться на Урал, – рассказывает профессор Магнитогорского государственного университета Элла Комиссарова. – Налетели самолёты, и машину накрыло бомбой. Как мне потом рассказали, маму убило сразу, а меня – в поезд. Сколько я была без памяти, не скажу. Помню только, что меня, маленькую, как и других детишек, окружили особой заботой и вниманием взрослые, на остановках заглядывающие в вагон, чтобы хоть чем-то угостить нас. В детском доме города Черноисточинск Свердловской области я вспомнила, что меня зовут Эллой, а возраст установили с помощью медицинского эксперта, поставив в графе «Родители» прочерк.

Меня удочерили в 1944 году и воспитали приёмные родители Лягушины – Марфа Семёновна и Яков Григорьевич. После удочерения они ещё полтора года пытались безуспешно найти моих близких родственников...»

Подготовил
Валерий Ефимов